

Госиздат
1911

П Е С Н И ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В О Й Н Е

894.342-92.
Д-400.
К

КАЗОГ
АЛМА-АТА - 1

ДЖАМБУЛ

*НАРОДНЫЙ АКЫН КАЗАХСТАНА, ТРИЖДЫ
ОРДЕНОНОСЕЦ*

ПЕСНИ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

*Под редакцией и с предисловием Сабита
Муканова*

Казахское Объединенное
Государственное Издательство
Алма-Ата — 1944 г

4/10/06

АКЫН-ПАТРИОТ.

Хорошо летом на джайляу после палящей жары в выжженной солнцем степи, после городской духоты и зноя. Высоко, высоко в горах зеленеют сочные альпийские луга. Выше человеческого роста изумрудные, пахучие травы. На залитых светом лужайках пестрые, душистые цветы. Чист и прозрачен горный воздух. Нет ни пылинки, нет надоедливо жужжащих мух, комаров, moskitов. В часы томительного зноя, когда одурманенные жарой люди движутся точно в полусне, здесь живительная прохлада. Задумчиво журчат быстрые горные ручьи. Вода студеная, чистая.

Вокруг скалистые горы, острыми зубцами врезающиеся в небо—синее, синее. Сверкают вечные снега на вершинах, и кучевые облака низко проплывают над ними. Серебристыми полосками сползают ледники и глетчеры. А внизу темнеют мохнатые тяньшанские ели и густые заросли кустарников сплошь покрывают крутые склоны.

На тенистой полянке, подле ручья, раскинулась большая круглая белая юрта. Полог ее приоткрыт, и легкий ветерок треплет ее края. Человек сидит на узорной кошме, пере-

бирая струны домбры. Он стар. Очень стар. Его стан сгорблен. Но громок и звучен его голос и радостно светятся его глаза из-под седых, косматых бровей.

Джамбул перебирает домбру и поет песню. Он поет о счастье Советской страны, о Сталине, о своей чудесно возвращенной молодости.

Я счастье выразить смогу ль?
Расцвел я, как душистый гуль.
Мне Сталин молодость вернул.
Помолодел Джамбул.

Далеко разносятся звуки песни и тают, замирая вдали. Слушают ее знакомые и друзья, вся его большая семья. Слушают восхищенно, почтительно и безмолвно. И точно горный орел, расправив могучие крылья, парит его песня над горами и долинами, над бескрайней казахской степью.

И никто не заметил, как к юрте на взмыленной лошади подъехал человек и, бросив поводья, заглянул внутрь. С минуту постоял он в раздумье, а потом, тряхнув головой, быстро вошел в юрту. Его встретили улыбками, ибо не было здесь человека, который не знал бы племянника Джамбула — Турапа Мыржыева.

Не раз к Джамбулу на джайляу приезжали гости, и каждому гостю он был рад. Но этот гость привез недобрую весть. Джамбул понял это, взглянув на него, и песня его прервалась.

Да, недобрую весть привез Турап. Весть о войне, о том, как ночью, таясь, словно вор, враг перешел границу и вероломно напал на нашу мирную страну.

Задумался Джамбул. Посмотрел на горы, на степи, широко раскинувшиеся внизу.

Чем может он помочь своей стране, своему народу, своим детям в час грозных испытаний? Какие песни нужно сложить, о чем нужно петь?

Несколько ночей он не спал. Все думал, вспоминал. Сколько войн прошло на его веку, сколько он видел и пережил и о скольком еще нужно передумать в эти звездные июньские ночи, в эти тревожные дни...

Он знает богатства своей страны, знает, что владея ими, мы непобедимы. Черное золото нефтяной Эмбы и уголь Караганды, свинец Лениногорска и красная медь Балхаша и Джек-казгана, золото Майкаина и фосфориты Актюбинска. Безмерны богатства недр Казахстана. Но разве только этим он богат? Разве не славится Казахстан своим животноводством — стадами тучного скота, табунами коней, отарами овец? Разве не плодородна и обильна его земля, дающая небывалые урожаи хлеба, проса, хлопка, сахарной свеклы? Сколько рыбы в Аральском море, на Каспии, в тысяче рек и озер! Сколько ценного пушного зверя и дичи в его лесах!

И главное — сколько мужества, героизма и беспредельной любви к родине в славных сынах Казахстана, в его народе, воскресшем для новой жизни под солнцем Сталинской Конституции.

Казахстан, наравне с другими братскими республиками, внесет свою долю в общее дело защиты нашей социалистической родины. Казахстан выполнит свой долг. Он обеспечит нужды фронта, нужды армии, нужды войны.

Своей песней Джамбул поможет этому. Ведь он давно знал свое место в дни грядущих

щих испытаний, готовился к ним. Недаром еще за четыре года до этого в своем обращении к Красной Армии он писал:

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей домброй
Во всех наступлениях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

И вот теперь час пробил!

Он знает, что диктует ему долг. Но прежде следует выслушать мнение мудрейшего из мудрых: надо знать, что скажет Сталин?

Да, надо знать, что скажет Сталин.

На рассвете жаркого июльского дня Джамбул велел оседлать своего бурого иноходца-красавца «Ак-Таяка» — великолепного ахантекинца. Как юный джигит, забыв про бремя лет, помчался он по крутой горной тропе, перебираясь через реки и ущелья. Он спешил обратно в свой аул — в урочище Май-Тюбе.

Он подъехал к дому в момент, когда в трепетном молчании перед радиорепродуктором застыли его сыновья, племянники и соседи, колхозники и колхозницы.

Передавалось историческое обращение товарища Сталина.

В последние годы слух Джамбула ослаб, и обычно ему громко повторяли сказанное. Но на сей раз он не просил повторения. Он стоял, взволнованный, потрясенный, и слушал каждое слово Сталина, доходившее до самого сердца, самой души.

В ту же ночь родилась песня: «В час, когда зовет Сталин» — первая из военных песен Джамбула, которой открывается настоящий сборник.

Слова Джамбула, как молния, облетели всю

страну. Радио разнесло его песнь по всему Советскому Союзу. Ее слушали моряки Краснознаменной Балтики и нефтяники Баку, молчаливые якуты и опаленные солнцем туркмены, полярники, зимующие в Арктике, и доменщики Урала. Слушали на фронте и в тылу: боец, сжав в руках винтовку, шахтер, опершись на кайло, школьники, сидя за партами, лесорубы, присев на суковатые пни, раненные, приподнявшись в постели.

Голосом столетнего казахского акына говорила любимая родина-мать. Слова ее были близки и понятны и звали в бой. Благословляли на подвиг.

Фронтовики, окутанные пороховым дымом, и труженики тыла внимали песне Джамбула — певца Сталинской эпохи, и песня зажгла их кровь, всколыхнула сердце. Они поклялись выполнить наказ Джамбула, и клятва эта выполняется с честью.

Велика сила и действенность песен Джамбула.

Каждая из них тотчас же вызывает оживленные отклики. Со всех концов Советского Союза идут письма к Джамбулу, особенно много писем с фронта.

«Дорогой акын! — читаем мы в одном из таких писем, написанном бойцами и офицерами части № 185, — Ваши песни вдохновляют нас на новые подвиги... Мы будем разить врага пулей, штыком, гранатой и снарядами, а Вы также разите его песней, которую так сильно любят наши бойцы и командиры».

Из части № 451 Джамбулу пишут:

«Сквозь грохот орудий, разрывы снарядов, мин и бомб доносятся до нас звуки твоей

вдохновенной домбры. С твоей песней, акын, бойцы нашего участка центрального фронта раздавят фашистского гада».

«Уважаемый Джамбул Джабаев! -- говорится в письме бойцов энской дивизии. — Когда герои твоего народа шли в бой, они вспомнили твои слова:

У героев в обычае нет
С полч боч итти без побед!

Эти слова, как маяк, освещали путь героев. Они вдохновляли и вдохновляют твоих сынов на подвиги во имя родины».

Десятки подобных писем со всех фронтов Великой Отечественной войны лежат перед нами. И все они являются лучшим свидетельством огромной популярности и действенности чудесных песен Джамбула.

Каждая из этих песен имеет свою историю, и только недостаток времени и места не позволяет нам подробно остановиться на этом.

Вот песнь, посвященная Москве. Джамбул сложил ее глухой октябрьской ночью, когда до него дошла тревожная весть: «Москва в опасности!».

Несметные орды озверелых, упоенных легкими победами в Европе фашистских насильников со всех сторон ринулись на Москву. Движимые жаждой грабежа и разрушения, все ближе подходили они к священному городу. Они подступили к самому порогу столицы. Мы все помним волнующие переживания этих дней. И вот тогда, в эти часы безмерного напряжения сил, тревоги и надежды,

Джамбул взял в руки домбру и песней своей
встал на защиту Москвы.

Поводья, как юноша, рву
И мчусь, стремянами звеня.
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.

Пламенными словами, полными глубочайшей
веры в нашу мощь и непобедимость, Джам-
бул призывает москвичей дать сокрушитель-
ный отпор немцам.

Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Жизот его тощій, Москва!
О, полная мощи Москва!
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью и днем,
Руби их, как роши, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва!
Немало он ссадин, Москва,
Оставил на теле твоём
Раздавишь ты гадин, Москва!
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!
Твой подымг под Млечным Путём
Мне звезды пророчат, Москва!

В каждом слове этой песни, в каждом зву-
ке ее безмерная, нежнейшая любовь старого
ақына к Москве. И, действительно, нет горо-
да, который человек так бы любил, как любит
Джамбул Москву. Ее прославил он в десят-
ках своих песен, никогда не уставая снова и
снова восхищаться ею.

Как волновался он, впервые подъезжая к
Москве в 1936 году!

Я ехал, волнуясь Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица Москва!
И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!

Огромное впечатление, произведенное на него Москвой, Джамбул образно описал в поэме «Песня народу»:

Столицу мира Джамбул обошел,
В столице Джамбул чудеса нашел
В Москве, свободы и счастья оплот,
Великий Сталин живет
В Москве сады, как сплошной изумруд.
В Москве дворцы, как в сказке, растут.
Внизу под землей поезда бегут,
Вверху — самолетов гуд
Столица — солнечной радости клад
Столица — статинской мудрости клад,
Столица — труда и счастья клад,
Там звезды Кремля горят.

И вернувшись обратно, Джамбул никогда не забывал Москву. Его всегда тянуло снова там побывать. Его мысль то и дело обращается к ней, он вспоминает ее. Вот наступила весна и, перебирая струны домбры, Джамбул поет:

Кричу я ветрам, что бушуют в листве,
Шепчу я ручью, что бормочет в траве,
Прошу лебедей, что плывут в синеве, —
Снесите привет мой Москве!

Москва, любимая Москва, так радушно, с широким русским гостеприимством встретившая его, для Джамбула прежде всего город, в котором живет и творит Сталин. Москва и Сталин — для него неразрывно связаны вместе:

Там, под звездами, солнечный Сталин
живет

Он принес через годы ненастья
Солнце вечной весны с лазурных высот
И цветы всенародного счастья

И Москве — столице мира, городу Сталина, сказочно-прекрасной Москве — грозит дерз-

кий, зазнавшийся враг! Джамбул потрясен. Джамбул гневен. Песней своей зовет он всех на помощь Москве и кончает эту песню словами:

Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы За Москву!

Не прошло и нескольких недель, как были сложены эти строки, и на весь мир прогремел исторический разгром немецких оккупантов под Москвой. Каким ликованием наполнилось сердце старого певца. И особенной гордостью, особенной радостью наполнило его сознание, что почетное место в рядах защитников Москвы заняли сыны Казахстана, дети его народа, его земли. С трепетным волнением слушал он рассказы о подвиге двадцати восьми героев, вступивших в единоборство со стальной армадой немецких танков, о славных подвигах казахстанской Восьмой гвардейской имени генерал-майора Панфилова дивизии. И поэтому особая гордость слышится в строках песни «Советским гвардейцам», где он поет:

Праздник сегодня удвоен мой
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновение старческих рук,
Им унесенное от меня

Но не только под Москвой, а и под Ленинградом, под Сталинградом и Воронежом, на Северном Кавказе и озере Селигер — на всех ответственных участках грандиозного фронта Великой Отечественной войны сражались

и сражаются доблестные сыны казахского народа, сыны родного Казахстана. И к ним всегда обращен взор Джамбула, всегда обращена его песня, полная приветов и ободрения гордости и призыва к новым подвигам и победам.

Трепетное внимание Джамбул уделил героической обороне Ленинграда. Кто не знает его знаменитой песни «Ленинградцы, дети мои!».

В сентябрьский осенний день 1941 года, когда хлестал дождь и на улицах разрывались снаряды, на домах Ленинграда появились большие плакаты. Женщины и подростки, с ведерками клея в руках, торопливо развешивали их и бежали дальше, чуть наклонив голову, прислушиваясь к грохоту отдаленной канонады и близким бухающим разрывам фугасок. А на углах уже собирались люди, останавливались прохожие и читали запечатанные вершковыми буквами строчки.

Разглаживались тревожные морщины, в усталых глазах зажигались огоньки, зацветали улыбки на бледных, изможденных лицах, гордо вздымались головы. Защитники Ленинграда — жители великого города, зажатого в огневом кольце блокады, читали горячие слова песни Джамбула «Ленинградцы дети мои!».

Из бескрайних казахских степей, из далекого аула домчалась к ним эта песня, песня приветов и ободрения, любви, ненависти и гнева.

К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда —
Провожают своих бойцов
Наши села и города.

Взор страны грозово-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.

— пел Джамбул, и его слова согревали и вдохновляли защитников города. Перед ними вставала родная страна, спешащая на помощь, — великая, необъятная, могучая страна, охваченная единым порывом неистребимого гнева к врагу. Джамбул любит Ленинград. Недаром из двадцати двух песен, помещенных в настоящем сборнике, четыре посвящены Ленинграду и ленинградцам. Это не случайно. Долгая дружба связывает Казахстан с городом Ленина, и на это указывает Джамбул, говоря, что:

Мы родня Вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.

Издавна город революции, город Ленина шефствует над Казахстаном, оказывая ему всемерную братскую помощь в деле победоносного социалистического строительства. И устами Джамбула говорит весь казахский народ, когда он с благодарностью вспоминает, что:

Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве — основе основ,
Где, мужая, зреют умы.

Джамбул и раньше пел о Ленинграде. В своем «Привете из Казахстана» он очень хорошо показал, чем для него был и чем стал этот замечательный город.

В суровые годы непастья и выюг
Я знал тебѣ, город царя Петербург
Сердца согревает и радует взгляд
Рабочии, буржувый, родной Ленинград
Там массы впервые колонами встали
Под знамя, что подняли Ленин и Сталин
Там Киров в дышанье заводов живет,
Там жизнь, словно сад Гюльистана, цветет
Вокруг меня степи в весеннем наряде,
А сердце и мысли мои в Ленинграде

Мысль о том, что Ленинград окружен ог-
невым кольцом вражеской блокады, что смерть
косит его обитателей и защитников, что дни
и ночи, вот уже скоро два года, «город-зарев-
во, город-лев» выдерживает невиданную оса-
ду, ни на миг не покидает Джамбула.

Первое слово отеческого привета, первое
слово ободрения всегда предназначено Джам-
булом ленинградцам, которым время от вре-
мени он шлет свои вдохновенные послания.

Дни острой тревоги за судьбу великого го-
рода уже прошли. О них он вспоминает, ког-
да пишет:

Город Красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей
Вновь Джамбулово сердце грей,
Вновь акыну старому вторы!
Ты вовеки непобедим, —
Это знал я, скорбью томим,
Слыша вестъ про вражий нажим
И вверяя в суровый час
Всех созвучий моих запас
Ленинградцам, детям моим

Но враг еще у ворот. Он еще здесь — на
расстоянии выстрела, и Джамбул не устает
призывать к окончательному разгрому фашист-
ской нечисти, к полной победе ленинград-
цев, в которой он был убежден с самого на-
чала.

Победит Ленинград! — и об этом в лад
Сложат песни акыны и гусяры

— уверенно заканчивает он свою последнюю песню о Ленинграде.

Третий цикл военных песен Джамбула посвящен героической обороне Сталинграда и блистательной победе наших войск над VI германской армией фон-Паулюса.

— Немцы вышли к берегам Волги!

Эта тревожная весть, дошедшая до Джамбула в конце знойного лета прошлого года, необычайно взволновала его.

Он вспомнил, как некогда писал о своем посещении волжских берегов:

Потом засверкал восхищением взор
Впервые увидел я волжский простор
Катила могучие воды река,
И чайка кружилась, бела и легка

Он вспомнил, как в своей «Поэме о Ворошилове» он пел о славной обороне Царицына:

За Климом, как птица, победа летела,
И Волга от вражеской крови краснела
Враги откатились И мужества полн,
Царицын стоял, как утес среди волн.

И вот теперь снова смертельная опасность угрожает Царицыну — носителю славного имени Сталина. Снова воды Волги алы от крови, снова густым пороховым дымом окутаны ее берега, и дни и ночи земля и небо раскаляются грохотом небывалой еще в истории войны канонады.

И тогда рука потянулась к домбре, и полилась песнь, обращенная к героям Сталинграда, — одна из лучших песен великого акына.

Четвертый цикл песен Джамбула посвящен

тылу. Помимо песен на фронтовые темы, Джамбул сложил ряд произведений, воспевающих героев тыла — наших стахановцев и ударников. Среди них особого внимания заслуживает песня «Рабогницам наших полей». Написана эта песня весной прошлого года, но все, что поется в ней, актуально и свежо и сегодня и завтра, ибо всем известно огромное значение женского труда в годы грозных военных испытаний. Джамбул благословляет святую самоотверженную работу трактористок и комбайнерок, ударниц социалистических полей. И, обращаясь к ним, он говорит:

Родимая! трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи,
Работай, танкисту подстать,
И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать .
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном!

Таким же вдохновенным призывом всемерно помочь фронту полны строки обращения Джамбула к живогноводам Казахстана, отмеченным правительственной наградой за свои высокие достижения.

Каждое стихотворение Джамбула, каждая песнь его проникнуты глубочайшей любовью к товарищу Сталину. Ему посвящает он самые красочные образы, наилучшие созвучия, самое прекрасное, что переполняет его душу. О художественных образах товарища Сталина в творчестве Джамбула можно было бы написать целое исследование. И каждый раз он находит все новые слова, все новые выраже-

ния и сравнения для обрисовки любимого образа вождя. Какой нежной заботой звучат, например, слова Джамбула в песне «Выстоит племя богатырей»:

Знаю, о Сталин, не я один:
К светлому облику твоему
Эта, лютейшая из годин,
Этот кровавый смертный покос
Много прибавит новых морщин...
Да, но победа в твоих глазах!
Ты у судьбы стоишь на часах,
Светлый твой облик и голос твой
Нас вдохновляют на смертный бой.

Под руководством товарища Сталина, под его гениальным водительством мы непобедимы. Эта мысль — красной нитью проходит через все песни Джамбула, через все его богатейшее, самобытное и яркое творчество.

И, наконец, последний цикл песен Джамбула связан с его сыном Алгадаем. Впервые Джамбул поет о нем в песне, обращенной к героям Сталинграда, ибо Алгадай в то время был в числе защитников прославленного города.

Я не белый клочок оторвал
От седой моей бороды —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! — сказал я ему, —
Бей, как следует, вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому.»
Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому пшьюму —
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вошьет.

Обращение к сыновьям, к Алгадаю, в частности, мы находим и в другой, представленной здесь песне Джамбула — «Ответ сыну».

В этом письме-песне седовласый акын дает крепкий боевой наказ сыну.

Помни, сын мой слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ стоять до конца! —
Стой и немца сзинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой сил не жалеи
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок

Исключительно выразителен по своей силе и прекрасен конец этого стихотворения:

Только помни сил не жалеи,
Не щади себя Алгадай
С оскверненных наших полей
По гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если струсишь — не пощажу
Если выступишь — награжу
Тем что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу

И Алгадай не обманул надежд отца Он проявил себя достойным сыном Джамбула, достойным сыном казахского народа Его отвага и мужество не раз были отмечены в приказах командования Он смотрел в лицо славе, и она улыбалась ему.

Вот что рассказывает красноармейская газета «Сталинский воин» об одном из подвигов Алгадая.

Вместе с Бекбатором Даманбаевым — пле-

мянником Джамбула — Алгадай получил приказ удерживать рубеж в селе Н. С чердака одного дома, невидимые врагу, они метко косили из своих пулеметов немецких солдат. Ни один из фрицев не смог подойти близко к важному рубежу. Командование вынесло благодарность отважным пулеметчикам.

И все же пришел день, когда пуля врага пробила горячее сердце Алгадая. Он пал на бранном поле, как воин и муж, не выпуская оружия из рук.

Весть о героической кончине Алгадая не сразу дошла до нас. Лишь в начале весны мы получили письмо от командования той части, где он служил, адресованное Джамбулу.

«Дорогой товарищ Джамбул!

Командование, политический отдел и весь личный состав 7 Гвардейской Краснознаменной кавалерийской дивизии со скорбью извещают Вас о героической гибели Вашего сына Алгадая в бою с презренными врагами нашего отечества.

22 февраля настоящего года в бою под гор. Синельниково Алгадай, с тремя товарищами, вступил в единоборство с немецкими танками и автоматчиками. Фашистские мерзавцы большими силами навалились на них, стремясь во что бы то ни стало овладеть их позицией. Завязался тяжелый бой. Несмотря на большое превосходство вражеских сил, горсточка советских храбрецов мужественно отстаивала свой участок.

Ваш сын беспощадно уничтожал врагов своим пулеметом. Двое из его товарищей были убиты, а сам он ранен в голову, но

он и после этого продолжал разить гитлеровских извергов. 80 фашистских палачей нашли свою позорную могилу перед пулеметом Алгадая Джамбулова.

Осколки немецкого снаряда оборвали его честную жизнь, жизнь верного сына казахского народа, патриота Советской страны.

Сын Ваш исполнил священный свой долг перед родиной. До последнего вздоха он бился с врагом, как подлинный гвардеец-герой, и отдал свою жизнь за честь и свободу нашего великого народа.

За проявленный героизм, мужество и стойкость Алгадай представлен к ордену «Красное Знамя».

В нашей памяти Джамбулов Алгадай навсегда останется, как пламенный патриот, как доблестный воин, замечательный сын казахского народа.

Вместе с Вами скорбим о тяжелой утрате, но и гордимся его героическим поступком.

Пусть же его героизм и глубокое чувство воинского долга будут утешением в Вашем тяжелом горе.

Командир 7 ГККД

гвардии полковник (Васильев)

Зам командира 7 ГККД по полит-

части гвардии полковник (Мозжечков)

Начальник политотдела 7 ГККД

гвардии полковник (Батурин)

2 апреля 1943 года».

Тяжело было читать эти строки. Тяжело было думать, как горестно будет Джамбулу услышать скорбную весть. И долго мы колеба-

лись, не зная, как сообщить ее нашему старцу.

.. В этом году, впервые за много лет, Джамбул не выехал на джайляу. Он хотел остаться дома, чтобы иметь возможность скорее слышать фронтовые новости и быстрее откликнуться на события дня.

И вот однажды, когда он сидел в кругу своей большой семьи, пил кумыс и пел о победах нашей армии, ему вдруг сообщили, что к нему в гости едут руководители партии и правительства Казахстана. Они не раз бывали у него, и потому это известие несколько не удивило Джамбула. Он велел своему сыну Тезекбаю и брату Сатыш приготовить все необходимое, чтобы достойно встретить дорогих гостей, и стал дожидаться их приезда.

Они приехали на нескольких машинах, и старик встретил их на крыльце, одетый в праздничный шелковый, пестрый халат и расшитую тюбетейку. После обычных приветствий, поглаживая бороду, Джамбул спросил — принесли ли гости радостную весть?

Приехавшие быстро переглянулись, и лица их сразу стали строги и серьезны. Они не улыбнулись, как обычно, но и не сказали ему то, что собирались сообщить.

Джамбул пригласил их войти в дом и усадил за стол. Подали ужин и, радушно угощая гостей, Джамбул снял со стены домбру и запел. Пел он о героизме советских людей, о подвигах сынов своего народа, прославившихся своим мужеством, о героической смерти некоторых из них.

И тогда тов. Казакпаев — председатель Президиума Верховного Совета Казахстана —

статный, широкоплечий, с хорошим, добрым, открытым лицом и ласковыми глазами, обернулся к Джамбулу и задал ему вопрос:

— А что, если бы Ваш сын являлся одним из таких героев, о которых Вы только что спели?

Тогда старик отложил в сторону домбру, вынул из бокового кармана пиджака бумажник и достал оттуда вырезку из газеты. В ней сообщалось о подвигах Алгадая и Бекбатора.

Джамбул бережно расправил ее и, положив на стол, сказал:

— Разве же это не героизм?

И Казакпаев, помедля, продолжал:

— А что, если Ваш сын геройски погиб, как другие наши герои?

Воцарилось молчание, и тогда Казакпаев прочел вслух траурное сообщение командования.

Он читал негромко, и в комнате стояла такая тишина, что, казалось, жизнь замерла на миг.

Джамбул долго молчал.

Он пожевал губами, и из глаз его скатилась крупная слеза, за ней другая.

Но плакал он недолго. Он протянул руку к домбре и дал тот ответ, которого люди ждали от него.

Этим ответом была песнь о погибшем сыне — заключительная песнь в сборнике.

Сабит Мукавов.

г Алма-Ата
5 августа 1943 года

В ЧАС, КОГДА ЗОВЕТ СТАЛИН.

Родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена —
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня,
Вместе со Сталиным — песня моя!
Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал.
Ночью на нас через старый дувал
Черный шакал ненавистный напал.
В песне народ не спроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Шакалу клыки
Выбьют советские наши штыки.
Эй, сыновья, оседлайте коня,
Вместе со Сталиным песня моя!
Вышли в последний решительный бой —
Мир мракобесов и мир молодой,
Выползок серой фашистской змеи
И молодые орлята мои.

В песне народ не спроста говорит:
«Гад будет давлен, орел воспарит».
Сталин — орел наш, а стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.
Слушайте, степи родные, меня,
Армии Красной ведите коня,
Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней,
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь.
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков.
Хлопок и хлеб и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

1941. VII.

Перевод *Павла Кузнецова.*

ПЕСНЯ О СТАЛЬНОМ НАРКОМЕ.

Соколиное войско Сталин повел,
Зорким оком весь мир объемлет орел.
Клич его боевой, как молния, жгуч,
Для врага, как свинцовый ливень, гяжел.
Мы на фронт снарядили богагырей —
Пусть лавиной обрушатся на зсрей.
Перед Сталиным дрогнет гнусный фашист,
Будем яростней бить, чтоб добить скорей!
Мощен в сердце казаха священный гнев,
Им наполнен и мой призывный напев.
Всей страной истребим людоедов мы,
Ничего для отчизны не пожалев.

Кровожадный свой клюв к нам ворон сует,
Но его обессилит орлиный взлет:
Нас на грозную битву стальной Нарком,
Солнце нашей победы, Сталин ведет!

1941. VII.

Перевод *М. Тарловского.*

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балгийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался потзучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил! —
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,

Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, деги мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их сослали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хогел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход Балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.

Что же слышит Джамбул теперь? —
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беспощадно ее грызет
Окровавленный людоед,
Но последний близок расчет,
И земля — в преддверьи побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Груз фашистского сапога,
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь:
Не одна немецкая тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.
К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп, —
Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.

Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь,
И свинец, что в срок и влопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких, как мед, —
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя,
Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул —
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,

Гул Отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал:
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долов ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожиллов ведет.
Беспечален будь, Ленинград:
Скажет Сталин — в путь! В Ленинград! —
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

1941. IX.

Перевод *М. Тарловского.*

МОСКВЕ.

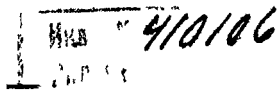
Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у Кремлевской стены
Склонялась моя голова,
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины,
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сшибаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!
О полная мощи Москва!
Будь с немцами жесточе, Москва!
Дави их и ночью и днем,
Руби их, как рощи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва!
Немало он ссадин, Москва,
Оставил на теле твоём.
Раздавишь ты гадин, Москва!
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схорони живьем!
Мне птицы стрекочут: «Москва...»
Мне горы грохочут: «Москва...»
Твой подвиг под Млечным Путём
Мне звезды пророчат, Москва!
Ты кладёшь сокровищ, Москва...
Ты краше, чем все божества.
Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе
Да будут чеканны слова!
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, вековая Москва!
Когда низвергает злодей,
Не видящий целей своих,
В тревожную тьму площадей
Железо изделий своих,
Я знаю — ты прячешь детей

На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий своих.
Когда на бомбежку с лихвой
Твоя откликается тишь,
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву «услышь!»
Метнет ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой,
Я знаю, что даже слепой
Стервяника видит в ночи.
И тот, кто под славой знамен
Кремлевской стеной осенен,
Кто вечен в прозрачном гробу,
Я знаю — он слышит стрельбу,
Он слышит призывы племен,
Он в нашу вникает судьбу,
Он гневом безмолвным объят,
Он пушечный слышит раскат,
Что с дальнего шлют рубежа,
И тайные вздохи томят
Ту грудь, над которой, дрожа,
Священные стекла звенят.
Я знаю, что дети Москвы
Дерутся, как гордые львы,
И мстят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Мы знаем, что Сталин в Москве.
Что он неразлучен с Москвой.
Три дюжины лет протекло
С тех пор, как на бой с кулачем
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и с дубьем
И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.

Прошла еще дюжина лет:
Послышался Ленинский клич —
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
На яростный бой с юнкерьем
Он шел под осенним дождем.
И год он сражался и два,
Голодный, продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь, после бессонных ночей,
Он сном непробудным почил.
Здесь, рядом с гробницей его,
Сверкает отрада очей:
Здесь древних былин волшебство
Российский строитель вложил
В свой храм из цветных кирпичей,
В тот храм, что Блаженным прослыл.
В дни праздников здесь москвичей
Приветствует Сталин родной.
Здесь он пятилеткой тройной
Упрочил порядок земной.
Здесь высек он искры печей.
Здесь он опекал малышей.
Отсюда с огромной страной
Сопряг он величье речей.
Мы знаем, что значит Москва:
Над миром маячит Москва.
А век твой лишь начат, Москва!
В дни грозных осенних боев
Неужто заплачет Москва?
Неужто разбойнический рев
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек

Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег,
Ни гладь замерзающих рек
Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит вовек
Себя онемечить Москва!
Друзья! Не во сне — наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Советского дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва.
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.
Мне ветер, мне поле — родня.
С пеленок в седле я живу.
Чуть свет, я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,

А' здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен и песней помочь».
И вот, заодно с темнотою,
На запад я взором плыву,
Где теплится день золотой...
Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы. За Москву.
1941. X.

Перевод *М. Гарловского.*

СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ.

Есть в языке такие слова,
Чье назначенье — пламенем жечь:
Если услышишь — вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова,
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молния, жгут,
Сердце пьянят, на подвиг влекут,
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ним гремят.
Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло Джамбулов кров,
Сколько он сам их ни находил —
Громче, чем гвардия, не слышал,
Ярче, чем гвардия, не встречал,
Слаще, чем гвардия, не твердил,
Тверже, чем гвардия, не чертил,
Чище, чем гвардия, не вдыхал.

Если такое, слово из слов,
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знаменам присуждено,
Если победный дедовский чин
Стал достояньем наших дружин —
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин
Доблесть советских богатырей,
Значит, сорвался злодейский срок;
Значит, созрел гвардейский стрелок.

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесенное от меня.

Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава джигитам лучших частей!
Множься и крепни, гордая масть,
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Сталинской гвардии путь открыт —

Тот, что глубоким плугом изрыт,
Тот, что горячей кровью омыт.

1941. X.

Перевод *М. Тарловского*.

ВЫСТОИТ ПЛЕМЯ БОГАТЫРЕЙ.

Шли и прошли две дюжины лет,
Годы, которым дивится свет,
Годы, которым подобных нет.
Землю свободой животворя,
Мир всенародный щедро даря,
В день, что не раз был нами воспет,
Грянул желанный гром Октября.

К двадцать четвертой светлой черге
Мы с небывалым чувством идем:
В мае еще мы были не те,
Люди стремились к другой мечте,
Солнце скользило другим путем,
Хлеб увлажнялся другим дождем,
Птицы в дубравах пели не так,
Волны в реке шумели не так,
Ранняя стужа длилась не так,
Сердце Джамбула билось не так.
Многое ныне стало иным:
Мрачно клубится пушечный дым,
Враг беспощадно чинит грабеж,
Враг угрожает нивам родным,
Рвется на Север и в теплый Крым,
В тело отчизны вонзает нож.

Пусть, не в пример торжествам былым,
Дымом ты заслан пороховым,
Пусть ты на прежние не похож, —
День Октября, ты праздничен все ж!
Будь же отмечен, день Октября,
В нашей Отечественной войне!

Пусть на врага вдвойне и втройне
Рушатся небо, твердь и моря!
Помню я много мудрых примет,
Помню я старый порядок лет:
Зима по дюжинам велся счет,
Прозвища зимам давали встарь,
С живностью связан был каждый год, —
Звался, как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.

Стать для фашистов, нынешний год,
Годом улиток и годом змей!
Стань для страны, где правит народ,
Годом орлов и годом коней!

Песню послал к ленинградцам я,
Песню послал я и к москвичам,
Струнам велел не смиряться я
И разучился спать по ночам.

Я для народов, слитых в семью,
Выносил третью песню мою.
С нами народы заморских стран,
Те, что проникли в черный обман,
Те, чьи тяжелые корабли
К нашим причалам путь обрели.

Выступят, выморозят зверей
Наши сугробы и наши льды,
Выстоит племя богатырей,
Выручит Родину из беды.
В прошлом немало суровых зим
Сделал оружием предок мой:
Холод — нам друг, и этой зимой
Натиск фашиста мы отразим.
Нашу изведает зиму он,
Сил не найдет для нажима он,
Гнев наш разрушит вражью тюрьму,
Детище тьмы отпрянет во тьму,

Знаю, о Сталич, ге я один:
К светлону облику твоему
Эта, лютейшая из годин,
Этот кровавыи смертныи покос
Много прибавят седых волос,
Много прибавят новых морщин...
Да! но победа — в твоих глазах!
Ты у судьбы стоишь на часах,
Светлыи твой облик и голос твой
Нас вдохновляют на смертныи бой.
Лезет наш недруг, но лезет зря!
В этом порукой — кровь Октября,
Сталинский путь советских людей,
Доблесть отцов и доблесть детей!

1941. XI.

Перевод М. Тауловского.

В НОВОГОДНИИ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС.

Снег ложится могучим пластом;
Реки тихо текут подо льдом;
Нависает сосульками лед;
Холодна предрассветная тьма;
Посетившая землю зима
Продолжает привычный обход,
И стучится в родные дома
Молодой наступающий год.
На полях снеговых, ледяных,
В тишине новогодних часов,
Слышу я перекличку бойцов,
Наших славных, советских, родных,
Слышу тысячи их голосов,
Их ответы на Сталинский зов,
Звон оружия у их поясов
И походку суровую их.
В эти дни наступил перелом,

В эти ночи не спится врагу, —
Он почуял свой близкий разгром;
Оставляя село за селом,
Он теряет на каждом шагу
Все, что занял коварством и злом;
Он за слезы невинных детей
Платит кровью поганой своей.
Ленинград и Москва, и Ростов,
И десятки других городов
Дали грозный злодеям отпор
И заставили в землю залечь
И выкуривать стали из нор;
Партизаны их гонят на двор,
И не греет их русская печь.
Надо их до конца истребить,
До единого всех перебить!
К вам, мои дорогие сыны,
К вам, защитники нашей страны,
Обращается старый Джамбул:
Меч победы над миром сверкнул!
Сталин бережно вырастил вас,
Он отчизну от гибели спас,
На победу страну вдохновил,
Наших сил он умножил запас,
Поле битвы он славой покрыл,
Он упрочил наш доблестный тыл
И фашистскую крепость потряс!
Пусть немолод я, пусть седовлас —
Я за ним по-орлиному взмыл,
Чтоб помог вам мой песенный пыл
В новогодний торжественный час.

1941. XII.

Перевод М. Тарловского.

СОВЕТСКОМУ ВОИНУ.

Морозный ветер родной страны,
Наполнись пеньем мсей струны!
Сквозь гул орудий мой сын и внук
Пускай услышат певучий звук!
К могучим силам, под гром войны,
Слова Джамбула обращены.
Красноармеец! Привет тебе,
Тебе, кто страха не знал в борьбе,
Тебе, чей зорек и грозен взгляд,
Тебе, кто немцев тесчит назад,
Тебе, чье сердце — огонь и лед,
Тебе, чья слава летит вперед,
Чей шаг уверен, чей путь суров,
Кто защищает родимый кров!
Вы миру дали расцвет зари,
Отчизны нашей богатыри!
Вы — плоть от плоти своих отцов,
Стяжавших славу лихих бойцов,
Вы — утешенье для матерей,
Таких вскормивших богатырей.
Вскормить героя сумела мать,
Его сумела и в бой послать;
В пеленках ею он был согрет,
В ее он пряжу теперь одет;
Оружье наеле народ ковал,
Народ свободу завоевал;
Страну, где Ленин в сердцах живет,
Никто на части не разорвет!
Нас враг вовеки не разобщит! —
Нам Сталин — солнце и меч и щит.
Враг подбирался с чочных небес,
Но рухнул камнем на черный лес;
Шел под волной он и по волне,
Но, захлебнувшись, гниет на дне;

Пришлось под снегом и на снегу,
Околевая, лежать врагу.
Все это сделал рукой своей
Наш воин, мстящий за кровь детей,
За нас, скорбящих, как никогда,
За наши села и города.
Все, чем захватчик еще силен,
Все, чем сломить нас мечтает он,
Что он надергал, что он наскреб,
Все, чем кичится, крича взхлеб, —
Все это должен сравнять с трухой
Советский воин своей рукой!
Советский воин! На Запад, в даль!
Разящей пулей врага ужаль,
Свержни очами из-под бровей,
Сломи фашистов и в прах развей!
Им передышки мы не дадим, —
Красноармейцы, мы победим!
1942. II.

Перевод *М. Тарловского.*

1. ОТВЕТ ДЖАМБУЛА 1.

Казах, Сеитов Дюсекей,
И русский, Сахаров Борис!
Ваш клич достиг моих ушей,
Он тучей над врагом навис.

Залегши в снежной целине,
Готовя извергам разгром,
Вы обращаетесь ко мне

1 На имя Джембула пришло из Действующей Красной Армии следующее письмо: «Великий акыч Джембул Джабаев! Сыны казахского и русского народов, Сеитов Дюсекей и его командир Сахаров Борис, здесь, в окопах, готовятся покончить навсегда с фашизмом. Пришли нам твою славную песню. Она нам поможет»

С коротким пламенным письмом.
Вы заявляете: «Сведем
С фашизмом счеты мы сполна»,
Вы пишете: «Мы песни ждем.
Джамбул, поможет нам она!»
Я бремя лет откину прочь,
Чтоб спеть о празднике весны:
Есть песню дать! Есть вам помочь,
Народов доблестных сыны!

II. ПЕСНЯ ВЕСНЫ.

Беспокойным тяжелым сном
В эту зиму спали поля,
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.
Наши мирные очаги
Разрушали злобно враги,
Но разгневавшийся народ
Гнал на запад фашистский сброд.

Вот зиме наступил конец:
Вешним солнцем пригрет боец,
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течет по руслу,
Вновь береза соком полна,
Вновь курлычут в синей дали
Перелетные журавли:
Их встречая, старый Джамбул
Руки к ним свои протянул,
Протянул и громко спросил:
«В чем источник жизненных сил?
В чем развязка наших тревог?
В чем победы нашей залог?»

— В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли —
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней,
Так ответили журавли.

Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ!
Разве реки иной страны
Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клен
К можжевельнику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет порабощен!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны,
С новой мощью ринемся в бой!
С нами Сталин, мои сыны,
Знамя чести над головой.

1942. IV.

Перевод *М. Тарловского*.

ГОРОДУ ЛЕНИНСКИХ ЗОРЬ.

Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!
Вновь Джамбулово сердце грей,
Вновь акыну старому вторь!
Ты вовеки непобедим, —
Это знал я, скорбью томим,
Слыша весть про вражий нажим
И вверяя в суровый час
Всех созвучий моих запас

Ленинградцам, детям моим.
Ты хозяин судьбы своей.
Ты в годину тяжких невзгод
Принял так незваных гостей,
Чтоб редеющий этот сброд
Не прошел ни шагу вперед.
С каждым днем фашистам трудней.
Ждать недолго. Пуль не жалей!
У железных своих дверей
Все опасности переспорь,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

Много подвигов ты свершил,
Много извергов искрошил,
Город-заревое, город-лев!
Слушай издали мой напев
И стреми свой царственный гнев
Вдоль израненных Невских жил.
Вешний гром над миром гремит:
Сталин с армией говорит,
Он с грядущего рвет покров
Острием пророческих слов,
Где алмазный опыт боев
С золотым предвиденьем слит.
Наши воины стали злей,
Наши люди стали взрослей.
Вот, средь выжженных пустырей,
Душит немцев смертная хворь!
Вот канун победы твоей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

За движеньем солнца следя,
Счет бесценным часам ведя,
Выполняя приказ вождя,

Казахстан отдался труду,
Чтобы в нынешнем же году
Уничтожить вражью орду,
Если рук — от страха пьяна —
Не поднимет раньше она.
За составом идет состав:
Славный город, наш дар прими!
Пусть обвивший тебя удав,
Гад, глумящийся над детьми,
Поддыхает, кольца разжав.
Славный город, наш дар прими,
Будь им сыт, а врагов громи
И свинцом их нашим корми!
Пред тобой, согбен и сутул,
Низко кланяется Джамбул.
Я, чей волос снега белей,
Говорю: победу ускори!
Прорубись в просторы морей,
Город красных Ленинских зорь,
Город русских богатырей!

1942. V.

Перевод *М. Тарло-ского*.

ДРУЖБА НАРОДОВ.

Там, где Джамбул родился и рос,
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он Родине помогал,
Там, по раздолью древних степей,
Бродят несметные табуны,
Там, в бечеве озерных сетей,
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Борозды вспаханной целины;
Там, для расчета с лютым врагом,
Уголь пылает, плавя руду,

Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду,
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду.
Там — кладовая силы земной.
Там — колыбель бесстрашных людей.
Там — Казахстан неоглядный мой
Во всеоружье славы своей!
Сталинской дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной,
Стал образцом для дружеских стран.

Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,
Вас я на битвы благословлял.
Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой, вечно-живой.
Многих из вас, на горе врагу,
Славный Панфилов вел за собой.
Горд я и счастлив — скрыть не могу! —
Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял, среди первых, над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Пыль Украины, как пишут мне...
Берег реки, под ливнем свинца,
Он целовал, как руку отца,
«Жарко он, — пишу, — к земле прильнул...»
Что же скрывать? — ты сладко всплакнул,

Слыша об этом, старый Джамбул!
Год миновал — и недолго ждать:
Сталина слово для нас — закон.
Вместе с друзьями мы с двух сторон
Скоро начнем людоедов жать.
Но, чтоб скорей погибли враги,
Силы свои вдвойне напряги,
Слитый с отчизной, мой Казахстан! —
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих бигв ураган.

1942. VI

Перевод *М. Тарловского.*

РАБОТНИЦАМ НАШИХ ПОЛЕЙ.

Я помню: когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своем,
О мирном своем табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылем.
Покуда мечом и копьем
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал
И еле подросшую дочь
Обязывал зерна толочь.
Об этом старинном труде,
О твердости женской руки
Поньше всегда и везде
Седые поют старики,
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.

Чтоб лопнула вражья броня,
Как черный бологный пузырь,
Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь, —
Взнуздal вороного коня
Народный лихой богатырь,
Он скачет и песню поет,
Он в синий небесный пустырь
Уводит стальной самолет,
Он грозные танки ведет,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки,
Как топчут гадючки клубки
Копыта могучих быков.
Он силой карающей стал,
А кем он вчера еще был? —
Он злак урожай считал,
Он силой взрыхляющей был.
И вот он от дома далек...
Кому же теперь невдомек,
Что сеятель, пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнет,
Их косит и давит и жнет?
Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За Родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
Об им совершенных делах.
Где землю пахал он вчера,
Его заменила сестра;
Сражается пахарь и жнец,

Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубиной сердец,
Что помощь их фронту нужна.
Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи,
Работай, танкисту подстать,
И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать...
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном!
На помощь в заветном труде
И школьник спешит и старик,
И пусть мальчуган невелик,
А дед — с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!
Ведь нынче — повсюду борьба,
Ведь с трактором дружит ружье,
И Сталин, чье слово — судьба,
На запад теснит воронье.
Вот выйдешь ты, дочь, на жнивье
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житье?
А вот они — наши хлеба!
А вот оно — дело мое!»

1942. VI.

Перевод *М. Тарловского*.

СКАЗАНИЕ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРАВДЕ.

Помню, в тот день Майтюбе-гора
Празднично выглядела с утра;
Снег, залегая в морщинах скал,
На Ала-Тау седом сверкал;

С желтой ромашкой наперебой,
Мак по зеленым склонам алел,
Конь обрывал их влажной губой,
В них утопал, от них веселел;
Шумно раскачивалась листва,
Легкая ноша свежих ветвей;
В песнях, исполненных торжества,
Хвастали птицы жизнью своей;
Счет потерявший прожигым дням
(Я и тогда уже был старик),
Взор обратив к нагорным снегам,
Вдруг услышал я радостный крик:
«Фурманов Дмитрий¹ приехал к нам!»

Дмитрий... Слышал я раньше о нем,
Знал, что не рядом мы с ним живем...
Кто приезжал из Алма-Ата,
Тот говорил, что пышут огнем
Дмитрия Фурманова уста;
Речь его, мол, ясна и чиста;
Если, мол, все мы за ним пойдем,
Явью любая станет мечта.
Беден тогда был старый Джамбул,
Часто на голой он спал земле, —
Как на облезлом своем осле

¹ Дмитрий Фурманов в период установления Советской власти в Казахстане работал в городе Алма-Ата (б. Верный) в качестве военного комиссара, личного уполномоченного М В Фрунзе. Джамбул много слышал об этом молодом большевике, агитаторе, писателе. Приезд Фурманова в аул, где Джамбул постоянно проживал, послужил поводом к тому самому разговору, о котором Джамбул вспоминает в своей поэме «Сказание о большевистской правде», посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В лице Фурманова Джамбул впервые встретил человека, который мог ответить ему на мучивший его долгие годы вопрос. «Где она, правда?».

Он бы до города дотянул?
Льнула беда к седым волосам,
Немощен был я и рван и бос...
Если же Дмитрий приехал сам,
Если предстал он старым глазам,
Здесь он ответит на мой вопрос!

«В мире наполненном суетой,
Долог мой путь, — ему я сказал, —
В поисках правды Джамбул седой
Обувь последнюю истоптал.
Ищет он семьдесят с лишним лет,
Кажется — видит правду порой,
Кажется — вот уж напал на след,
Но, покрываясь враждебной мглой,
След исчезает, и правды нет...
Голубем правда вьется вдали, —
Кони доскачут ли до нее?
Правду догонят ли корабли?
Можно ль прорикнуть к правде в жильё?
Стал мой осел — и щиплет кусты...
Стать ли и мне, загылок скребя?
Где же, я спрашиваю тебя,
Где она, правда, знаешь ли ты?»

Вдумчивый взгляд под высоким лбом
Сердце мое овеял теплом.
Сияясь волнение скрыть от меня,
Голосом юношеским звеня,
Он на слова ответил мой:
«Правда, отец, в людском бытии,
В жизни она и, значит, везде,
Но достается только в труде.
Если ж свободным не станет он,
Правды не будет, это закон
Даром свободы в жизни не жди, —

Путь пролагай труду своему!
Светлую правду вносят во тьму
Ленин и Сталин, наши вожди
В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,
Да, но другого нет впереди».

Данный мне Фурмановым ответ
Снял с меня сразу полсотни лет,
Силу былую обрет я вновь,
В жилах моих обновилась кровь,
Стала из высочшего ручья
Бурным потоком песня моя.
Ленинско-сталинский светлый путь
Стал неизменным путем моим,
Слов большевистских познал я суть.
Лживого бреда липкую мусть
Стал обходить с подотом сухим
Мирный приют моих земляков,
Сочную зелень свежих лугов,
Где разогнали всю мошкарку,
Истину жизни, жизнью согрет,
Два с половиной десятка лет
Я воспевал на общем пиру.

Время пришло в негаданный час
Всех к испытанию призвали нас
Время пришло орудийный гул
Степи бескрайние всколыхнул
И снеговые горы потряс.
Так оборвал наш мирный покой,
Так замахнулся грязной рукой
Враг, потерявший облик людской.
Вторгся на наши равнины он,
Вторгся без явной причины он,
Вторгся, ища мертвечины, он.

Стал земляков скликать я моих:
«Ну ка, подтянемте пояса!
Ну-ка, прогонимте немца-пса,
Так, чтоб не лаял, так, чтоб затих!
Правда отчизны, наша краса,
Чище и глубже, чем небеса»

Время проходит вот уж погас
День пятисотый в черном дыму,
Пламя войны в пятисотый раз
Смыло с почвы вечернюю тьму,
Мы же — попрежнему немца бьем,
Мы, как и прежде, духом сильны,
Фронту все больше сил придаем,
И разрастается с каждым днем
Гнев непреклонной нашей страны.
Все мы воюем — и стар и млад,
Бомбой и пулей разим впопад
Дело большое нашлось и мне
Песней правдивой служить страче.
Не остается песня в долгу, —
Песня хребет ломает врагу
Целься же, песня, в глаз, а не в бровь!
Мсти за народную нашу кровь!

Время придет, и мы отомстим
За омраченный великий день,
День, что, как солнце, неугасим,
Но, облеченный в скорбную тень,
В память со слонем входит глухим
Четверть столетия, годы трудов
Нашим богатством будут всегда
Не превратят нас немцы в рабов!
Знайте же, села и города
Нам без победы спасенья нет!
Разве помилует людоед?

Разве насытится кровью он?
Кровью союз народов скреплен,
Кровью мы купим счастье и честь,
В нас большевистская правда есть,
Ленинско-сталинская в сердцах
Светит нам правда, зверю на страх.
1942. XI.

Перевод *М. Тарловского*.

ЛЕНИНГРАД ПОБЕДИТ!

О тебе, о родном, я снова пою,
Ленинград, устоявший в смертном бою!
Ты врага задержал, ты славу стяжал,
Ты согрел и украсил старость мою.

Песне сказано было: «Близок злодей,
Растопыривший крючья своих когтей, —
Птицей, песня, вздохни и в грозные дни
Над Балтийской твердыней небом владей!»

Песне сказано было: «Крылья расчинь!
Борозды, прорезай осеннюю синь.
Ленин, вечно-живой, скорбит над Невой, —
Бурей гнева на немцев, песня, нахлынь!»

Песне сказано было: «Ленин зовет!
Пусть не знает преград твой долгий полет
И, закидев твой след, пусть враг-людоед
На тебя направляет свой пулемет!»

И послушалась песня и помогла:
Сил своих не жалея, грудь напрягла,
И, подобно серпу, пробили тропу
Сквозь фашистскую мразь два острых крыла.

Ленинградцы! мой дух над вами витал.
Вражьи трупы он гысячами считал:
Дух мой—в песне, и с ней он множество дней
Ненавидел, держался и побеждал.

Наших предков я славил в песне моей,
Мне казалось—не может уж быть храбрей,
Но таких, как сыны Балтийской волны,
В первый раз я встречаю богатырей...

Этот город сравнил бы Джамбул седой
С незакатной вовек Железной Звездой,
Что, прочнее гвоздя¹, однажды взойдя,
Дни и ночи блюдет заветное «стой!».

Быль чудесную знают здесь не одну,
Перед прошлым Невы я колени гну.
Но со дня, как возник, так не был велик,
Так могуч наш оплот, как в эту войну.

Четверть века прошло с той славной поры,
Как свои он пред нами раскрыл дары...
Победит Ленинград! — и об этом в лад
Сложат песни акыны и гусяры.

1942. VIII.

Перевод *М. Тарловского*.

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ.

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки коротки у врага! —
Обломаем ему клыки,

¹ «Железный Гвоздь» («Железный Кол») — казахское народное обозначение Полярной Звезды.

Поскользнется его нога!
Сталинград... Не кажтый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смелчаке,
Что с оружием, сжатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор!
Ты не дрогнешь, воин-смелчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг.
У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил,
И отец, что тебя взрастил,
Всем лишениям зопреки,
Под Царицыном победил.
Твердо знают и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесьь мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защидай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознес.
В Сталинграде — пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утес.

Там сражается и казах:
Мой сородич неустрашим,
Знаю — выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.

Я не белый клочок оторвал
От седой моей боролы —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,

«Алгадай! — сказал я ему, —
Бей, как следует, вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому!».
Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!».
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольет.
1942. X.

Перевод *М. Тарловского.*

ПРИКАЗ РОДИНЫ.

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь,
Все с землею сравнять и ожечь,
Осквернить святыни отцов!..
Враг вступить посмел на Кавказ,
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет пить Кубань, Волгу, Дон —
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это — наше с древних времен!
Все отнять у нас хочет он!
Все, чем жизнь была дорога,
Разве ты берег для врага?
Если над головою гроза, —
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и Родины честь?
Разве честная медлит рука
Вырвать жизнь из груди врага?

Каждый, каждый земли вершок —
Это тело твое, кровь и пот!
Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод, —
Сердце Родины бьется, живет;
Там, где руды в земле залегли,
Видишь светлую душу земли!
Где зеленый раскинулся луг —
Это сила трудящихся рук,
Это — радости мирной жилье,
Это — верное счастье твое!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас,
Если это он топчет, кичась, —
Чья душа не вспыхнет огнем?!
Разве в пропасть врага не столкнем?!
Где берет он хоть малую пядь, —
Он спешит в себя силу впитать!
Там, где верх он над нами берет, —
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймет,
Разве может еще отступить?
Разве есть у нас лишний вершок,
Полвершка, самый малый лишок,
Что не жалко врагам уступать?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни, воин, ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать,
Смерть не легче ли нам во стократ?!
О, великое племя! Вы —
Наши югоши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слышали дурной молвы,
Не терпели еще обид,

Вас не жег униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен Родины сын — джигит!
О, свободной земли сыны,
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там казненные без вины
Дети раненые видны,
Пощадить дитя молит мать,
Стонут женщины — плач кругом!..
Как придавленную врагом
Честь, достоинство сохранять?!
Жгучей жалости боль в груди
Разве можно стерпеть? — Иди!
Счастье мщенья впереди!..
Кто не знает усталости, тот
По врагам побежденным пройдет!
Помни: трус не останется цел,
Себялюбец себя не спасет:
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О, мой сын, только трусом не будь —
Этой чаши горчайшей не пей!
Разве может народу помочь
И спасется ли в грозную ночь
Жалкий заяц, пустой воробей?
Прочь, кто трусит и плачется, прочь!
О, послушайте старца призыв!
Если дышишь еще, если жив,
Если двигаться в силах рука,
Не подрублены ноги пока —
Бей врага, милый сын, бей врага!
Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, в железо себя обратить,

Чтоб от Родины смерть отворотить!
Сыновья! Нет дороги иной —
Наступайте волна за волной!
Чтобы враг захлебнулся войной,
Чтоб задохся и выдохся он!
О, боец, бей врага! Ты не сдашь!
Как стоит горнокаменный кряж,
Надо встать, сыновья, надо встать!
Нами созданный мир будет наш!
Если гнев твой остер, как меч,
О, зачем свою кровь беречь?
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Родины нашей речь!
Сын мой, тверже будь, чем гранит,
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Сталин тебе велит!
Будет счастье и будет свет!
А для воина смерти нет!

1942. IX.

Перевод *А. Адалис*.

ОТВЕТ СЫНУ.

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мне!
Ты — с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурьку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!
Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой:
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.

Это — братья твои, сынок!
Это — дети нашей страны!
От волнующих теплых строк
Веет мужеством старины.
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак,
Дни разбойников сочтены!».

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца! —
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалей.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок.
Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега
Замутившихся русских рек.

«Мертвой нечистью путь устлав,
Перед Родиной воин прав» —
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мертвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыг,
Я не сыт, и покоя нет..
Пусть отец твой годами стар —
Жажда мести мне сердце жжет,
За ударом нужен удар,
Новой славы отчизна ждет,
Не окончен победам счет,
Полной мести близок разгар,
Грозных молний виден полет!
Помни, сын, что истый джигит

Не боится своих врагов.
Если будешь и ты таков,
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалей,
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если трусишь — не пощажу.
Если выступишь — награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

1942. XII.

Перевод *М. Тарловского*

ГЕРОЯМ ВОРОНЕЖА.

Полон древних могучих сил
Черноземный русский простор!
Сотни лет здесь кровью плачил
Враг отчизны за свой задор.

Здесь крепчайших богатырей
Наш народ поставил в дозор,
Здесь фашистам грудью своей
В эти дни вы дали отпор.

От Воронежа отвратив
Ненасытный вражеский взор,
В глубь священных родимых нив
Мы не пустим пьяных обжор!

Дети милые! На века
Вы прославлены с этих пор:
Там, где льется кровь смельчака,
Не грозит отчизне позор.

Разве дрогнете, смельчаки,
Если все вы здесь на подбор?
Там, где надо, и кулаки
Заменяют штык и заповор.

Будьте, дети, тверже камней!
Это вражьи слухам измор.
С каждым днем смелей и верней
Выбивать их надо из нор.

Твердо знают и фронт и тыл:
Враг не страшен, страшен укор.
Кто Воронеж грудью прикрыл,
Спас он братьев, спас он сестер.

Я уверен — злая вода
Не разрушит каменных гор,
Мы отпразднуем день суда,
Справедлив он будет и скор!

1942. XII.

Перевод *М. Тарловского.*

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ.

Со мной молодежь дружна:
На Новый мне год она
Цветы приносила в дом,
Я песни слагал о ней,
О жизни, ставшей длинней,
О празднике молодом.

Как ветви, что рвутся ввысь
И соками налились
Весною в лесу густом,
Так, солнечно-весела,
Меня молодежь влекла
На пиршестве круговом.

Но свет войной затемнен,
И радости тех времен
Нам кажутся смутным сном...
Где дочери и сыны
Великой нашей страны,
Там думы их об одном:
С оружием врага встречать
И молодость защищать,
Сражаясь ночью и днем.
Отважная молодежь
Злодеев повергла в дрожь,
Разя их смертным огнем.
Оружье сжато в руках,
И тает снег на щеках,
Покрытых первым пушком.
Джигиту-богатырю
Я с гордостью вслед смотрю —
Он сказочным стал щитом.

Победы в Новом году
От вас я, родные, жду,
Своим вам служа трудом.

1942. XII.

Перевод *М. Тарловского.*

НОВОГОДНЕЕ ПИСЬМО СТАЛИНГРАДЦАМ.

Сталинграда герои, вы
Из металла литые львы
С сердцем крепче горных пород!
Защищая каждую пядь,
Вы сумели насмерть стоять.
Вас прославит в веках народ,
Вам, кто предков честь вознесли,
Он поклонится до земли.

Вгрызся в горло вам душегуб,
Но из сомкнутых гневом губ

Ни один не вырвался стон,
Вы делами дали ответ;
Душегубий дробя хребег
Осень долгую напролет,
Вы злодея теснили вон...
подавившись добычей, он
Черной кровью теперь блюет...

Все пожрать возмечтавший впрок,
Мир он в жертву себе обрек,
Да советской земли кусок
Живоглоту встал поперек.
Но с твердыни и посейчас,
Даже знатно и крепко бит,
Он насытых не сводит глаз,
Он подкрасться к ней норовит.

Заклинаю, родные, вас:
Да свершится святая месть!
Сокрушительнее напор!
Бейте изверга до тех пор,
Пока кровь его, вся как есть,
Из драконьих не хлынет пор!

Новогодний разлив зари,
Полыхая в шелку знамен,
Вам вещает, богатыри:
Будет мерзостный посрамлен!
Как от солнца пятится мрак,
Сколь бы плотно ни залегал,
Так от вас откатится враг,
Чуя гневных сердец накал.
Солнцу свет на запад нести...
Нынче с солнцем вам по пути!

1942. XII.

Перевод Л. Густ.

ТЕБЕ, КОМСОМОЛЕЦ ЛЕНИНГРАДА!

Прибыл гость дорогой ко мне,
Ленинграда отважный сын.
Речи пламенные его
Я, седой и дряхлый акын,
Молча слушал — и видел того,
О котором он вел рассказ.

.. Ты мне ярко предстал сейчас,
Ленинграда боец молодой,
Сквозь просторы страны родной,
Сквозь немолкнущий вой ветров.
Бледен ты, но взор твой суров,
Неустанен он в днях и в ночах
Мысль одна в нем: не сдать в борьбе!
.. Ватник стеганый на тебе,
Валенки на твоих ногах .

Это ты Ленинград родной
Оградил стальной стеной,
Чтобы злобных врагов орда
Не проникла в него никогда.
В эту стену уперся враг —
И не двинулся ни на шаг.

Рвутся бомбы на площадях,
Дико-злобны разрывы их,
Но тобой не владеет страх —
Ты в холодных цехах больших
За снарядом готовишь снаряд,
И, врагу давая ответ,
Наши пушки режут, гремят
Где тебя, непреклонного, нет! —
Для бойцов в пекарне ночной
Выпекаешь им хлеб ржаной
В лазарете сестра твоя,
Бесконечных забот полна,

День и ночь хлопочет она,
От себя усталость тая.

Да, мой сын, мой любимый сын,
Как, проидя, поглядишь кругом —
Осквернен проспект не один
Вражьей сталью, вражьим свинцом.
Но врагу не торжествовать:
Убираешь каменья ты,
Сор сметаешь — и вот опять
Тротуары улиц чисты.

Жизнь идет, ее не прервать!
Это — доблесть твоя! Это — ты!
Вижу я: ты сходишь в подвал,
И в ночи, как бы ни завывал
Черный вражеский самолет,
Комсомольцев собранье идет.

Пусть сирены тревожный вой
Раздается в тиши ночной —
Ты сидишь и пишешь статью.
Вижу — бегают твои карандаш:
«Крепче стойте, друзья, в бою,
Ленинград защищая наш!».
Ты стоишь у наборных касс,
И, как четвергь века назад,
Буквы «Смены» в урочный час
Свежей краской во мгле блестят.

Смена.. Выращено тобой
Племя комсомольцев-отцов,
Петрограда славных бойцов
Передай же теперь их сынам,
Рвушим вражье кольцо, о том,
Что Джамбул поет их делам
Славу звонким степным стихом.

С отпечатанных утром листов
Славной «Смены» твоей боевой
Я, седой и дряхлый акын,
Обращаюсь к тебе, мой сын,
Ленинградец, друг молодой.
Вот по Невскому я иду —
С пьедестала, с гранитных плит,
На меня Кутузов глядит.
Вот на Выборгской, там вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою.
Вот за Нарвской заставой я —
Здесь, увенчанный славой, зовет
Ленинградец Киров вперед!
Ты у этих богатырей,
У великих России сынов,
Жить учишь! Как они, сумей
Быть в опасности тверже камней
И незыблемей горных хребтов.

Помни, юноша, вся страна
О тебе заботы полна!
Знаю: скоро отступит враг
От Невы — так, как он побежал
От разгневанных волжских вод
И от Дона, что перестал
Тихим быть и яростным стал,
Так, как он от Кавказских гор
Побежал, как побитый вор.
Стой же, сын, на посту, крепко стой!
Вся страна, ленинградец, с тобой.
И с тобой, мой любимый сын,
Я, Джамбул, ее старый акын.

1943 II

Перевод *Д. Бродского.*

**БОГАТЫРЯМ, ЛОМАЮЩИМ
ПРЕГРАДЫ.**

(Воинам моей родины)

Больше всех народом любим
Тот, кто в битве неколебим,
Тот, кто с жизнью расстаться готов,
Мстя за слезы сирот и вдов.
Но тому наивысший почет,
Кто бойцов за собой влечет,
Кто для них излучает свет,
В ком спасенье от лютых бед.

Судьбы нашей великой страны
Красной Армии вручены.
Все, что лучшего в мире есть:
Дружный труд, свободу и честь —
Все, что создано на века
Человеческим светлым умом,
Все, что враг обрекал на слом,
Защищают наши войска,
Защищают ночью и днем.
Всех решительней, всех смелей,
Всех заботливей и мудрей
Вождь отважных наших полков,
Вождь, как солнце, рассеявший тьму,
Совесьь мира, светоч веков,
Сталин, Сталин, слава ему!
Наших воинов всюду чтят,
Чтят, кто мал, кто молод, кто сед,
Славят Сталинский путь побед
И с восгоргом за ним следят.
Люди чтили и в старину
Смельчаков, что шли на войну
За свободу милой земли;
Помогали им, чем могли,
И венки полководцам плели.

Если в люльке, здоровьем дыша,
Русский мальчик мать утешал,
Если этого крепыша
Старый дед на колено сажал,
Говорили и дед и мать:
«Ты Чапаевым должен стать!».
Если свет вечерней звезды
Новорожденный мальчик-казах
Отражал впервые в глазах,
«Будь подобьем Амангельды!
Будь отважен, как Махамбет!» —
Вот какой давали совет.
И в преддверьи тревожных лет
Слово матери слышал грузин:
«Будь прославлен, как тот исполин,
Кто был в тигрову шкуру одет!».
И не раз, где Каспий седой
Гонит пенистые валы,
Смутный первенец слышал: «Сгой,
Стой за правду, как Қор-оглы!».
Так младенцам каждый народ
Образ предка влагал в сердца,
Чтобы чтили их в свой черед,
Чтобы в каждом видеть бойца.

Было время — враг оттеснял
Нашу Армию на восток,
Нашу землю он осквернял,
В малодушных робость вселял
И в ребячье тельце вгонял
Святотатственный свой сапог.
Но сомненья не было, нет,
В том, что силы наши растут,
В том, что скоро немцу ответ
Все народы наши дадут.
Если в жилах наших бойцов

Кровь их славных предков текла,
Эта кровь, наследство отцов,
Поруганья стерпеть не могла.
Знал ли немец, как может кипеть
Эта кровь, что чище росы?
Знал ли он, что нам не сробеть
Даже в горестные часы?
Знали мы, что расплата близка,
Что захватчик будет разбит,
Что великий Сталин крепит
И по-новому строит войска.
Твердо знал и старый Джамбул,
Что недолог вражий разгул:
От Невы до Кавказских гор,
За приказом ступая вслед,
Ради ваших, джигиты, побед,
Голос мой выходил на дозор.
Не прошел ли я с вами сам
По дорогам и по лесам?
Помнит каждая колея,
Помнят старых стволов слои
Зов Джамбула: «Дети мои!»
И признание: «Гордость моя!».

Устояли вы в смертной борьбе,
Я горжусь моими детьми!
Вот, забыв о своей похвальбе,
Людоеды — мор их возьми! —
Разобрались в грозной судьбе
И на снег ложатся костями.
Вот он корчится, раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кто сумел удар нанести,
Тот и дальше разить сумеи!
Бей врагов, мой доблестный внук,

В мертвецов превращай иль в калек!
Знай — разливом весенних рек
Сносит в море зубастых щук.
В ваших жилах взбурлила кровь,
Враг под натиском вашим смят,
Ваши предки ожили вновь,
Их знамена в небе шумят.
Пусть же гибнет в бегстве своем
Враг, ворвавшийся к нам с огнем
И с разбойничьим кистенем!
Миру видно — делом своим,
Ей привычным, ей нечужим,
Наша Армия занята,
Грозным делом чести своей,
Как всегда, подходящим ей,
Ей завещанным неспроста.
Четверть века тому назад
Ленин, кинув пророческий взгляд,
Это дело ей поручил,
Он начало ей положил.
И с того великого дня
Красной Армии знамя храня,
Сталин делу ее научил,
Предков с правнуками сдружил.
С ним, с единственным, во главе,
Обращая мысли к Москве,
Наша Армия к цели идет,
Бьет врага и погоды не ждет.

Развернулись такие войска,
Для которых туча близка,
Хлябь морская неглубока
И граница недалека!
Разъярился такой кулак,
Пред которым только беги,
Пред которым сохнут мозги

У сдуревших вражьих вояк!
Размахнулся такой народ,
Что проходит и вплавь и вброд,
Что не может пойти ко дну
И дорогу знает одну —
На врага! Вперед и вперед!
Продолжай же, Армия, бой,
Исторгай из фашистов вой,
Зимний вспарывай их постой,
Режь их фронт, кромсай и крои!
С вами Ленин, дети мои!
Воиско дивное! Сталин с тобой!

1943. II

Перевод *М. Гарловского.*

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАШ НЕДАЛЕК!

В лютых вьюгах зимних ночей
Броненосный ринулся вал:
Крепче льда и тучи мрачней,
Вражью цепь он властно порвал.
Это, в грозной славе своей,
Сила наших богатырей, —
Красной Армии день настал!
Мир к ней взоры свои приковал!

Всенародный внукам привет
В песне шлет ликующий дед.
Снова молод я и силен,
Вами, внуки, я вдохновлен.
Сердца жар ничуть не остыл,
Свет очей моих не погас,
Наш, на жертвы готовый, тыл
Этой песней приветствует вас!
Ваш удар неслыханным был:
Он врага жестоко потряс,
Путь на Запад он нам открыл.

Видишь, корчится раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кю сумел удар нанести,
Тот и дальше разить сумей!
Бей врагов, мой доблестный внук,
В мертвецов превращай иль в калек!
Знай — разливом весенних рек
Сносит в море зубастых щук.
Нам известно, как бить врагов,
Бить и вдоль их и поперек!
Мудрый Сталин на смерть их обрек,
Он — водитель наших полков,
Он спасает нас от оков,
Светлый праздник наш недалек!

1943. II.

Перевод *М. Тарловского*.

БОЕВЫМ СТРАНИЦАМ — СПУТНИКАМ КРАСНОЙ АРМИИ.

Знаю я: со штыком наравне,
Верно служит нашей стране
Боевая наша печать —
Ей, подобно грому, звучать!
Наша слава, наши труды,
Наши села и города,
Все, что Сталин спас от беды, —
Словно небо в каплях воды,
Отражаются навсегда
На страницах «Красной Звезды».
Я всю жизнь о мужестве пел,
И струна моя мне твердит:
«Тот, кю грамотен, тот, кто смел,
Тот, кто труса взял на прицел,
Тот, кто сердцем с народом слит,
Неминуемо победит!».

1942. II.

Перевод *М. Тарловского*.

КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНЕМ.

Казах-скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой мудрый нрав,
Мне песни о славе родной земли
Нашептывал ты под шорох трав.
Игги, отвлекая порчу и вред
От блеющих и от мычащих стад,
Все время за ними игги вослед —
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозили им бури и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью и днем, казах-скотовод!
Прикрывшись полкой, щекой ж рукаву,
Промокнув от темени и до ног,
Под ливнем, ты все ж держал бечеву;
В полглаза дремля, добро ты стерег

Я видел, колхозник, твой стада,
Но счесть их мне было невозможно...
Кольнется степь, как в море вода,
И в этой степи — раздолье скоту.
Здесь выпаски всех четырех родов:
Средь шерсти, рогов, горбов и грив
Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, домброй звеня,
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул,
Направил шаги гнедого коня,
Качаемый иноходью, Джамбул.

Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны;
Во-всю жеребьячья идет игра.
У каждой буренки, гордой на вид,
Запас молока и свеж и тяжел;

Вот вымя ее сосун теребит,
И радует взоры знатный отел.
На пастбищах — звуки щедрой весны:
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцепас!
Кто лучше, чем вы, их речи поймет?
В труде напряженном я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живет.

Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор,
Казах-скотовод все силы напруг,
Он жаждой отмщенья зажег свой взор!
Табунщик на фронт коня снарядил,
Ему расчесав и гриву и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод,
А если в бою пересохли рты, —
Вот сливки для них, густые, как мед!
Проживши без малого сотню лет,
Я хрупок, но силы все же припас:
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас!

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берет на прицел!
Давайте на части рубить змею,
Что в наше отечество заползла!
Вернемте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!
Клянись, казахстанец, помочь в бою

Советской отчизны славным сынам,
И Сталин услышит клятву твою
Под знаменем чести, врученным нам!
Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие, из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

1943. IV.

Перевод *М. Тарловского.*

НА СМЕРТЬ СЫНА.

О сыны мои, о сыны!
Свирепые бури кому не страшны?
Тополь до корня качается в горе,
До самого дна волнуется море.
Седая скала лишь встречает в упор
Неистовой бури свирепый напор.

Крепок чресседельник, силен верблюд,
Не сломят его ни груз, ни труд,
Так старый Джамбул духом силен,
Под вестью тяжелой не сломится он,
Что сын его милый, сын-герой
Отнят безвременно злой судьбой.

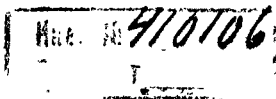
О сыны мои, о сыны!
Герои отвагою рождены,
Коль голову сложат, грома врага,
Их память народу навек дорога.
А крепости вражки сумеют взять —
Их славе в народе вечно сиять.

За Родину смерть — продолжение жизни,
Пример молодым, как стоять за отчизну.
И клятву свою Алгадай оправдал,
Без страха за Родину смерть он принял.

Он сыном народа отважного был,
Который извечно отважным слыл.

О сыны мои, о сыны!
Как бьетесь с врагом вы за счастье страны,
Так старый Джамбул, ваш отец, запоет,
И песнями к мести народ поведет.

Перевод П. БогдANOва.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Акын патриот	1
В час, когда зовет Сталин. — Перевод П. Кузнецова	23
Песня о стальном Наркоме. — Перевод М. Тарловского	24
Ленинградцы, дети мои! — Перевод М. Тарловского	25
Москве. — Перевод Тарловского	29
Советским гвардейцам. — Перевод М. Тарловского	34
Выстоит племя богатырей. — Перевод М. Тарловского	36
В новогодний торжественный час. — Перевод М. Тарловского	38
Советскому воину. — Перевод М. Тарловского	40
Ответ Джамбула (Песня весны) — Перевод М. Тарловского	41
Городу Ленинских зорь. — Перевод М. Тарловского	43
Дружба народов. — Перевод М. Тарловского	45
Работницам наших полей. — Перевод М. Тарловского	47
Сказание о большевистской правде. — Перевод М. Тарловского	49
Ленинград победит! Перевод М. Тарловского	54
Несокрушимая крепость. — Перевод М. Тарловского	55
Приказ Родины: Перевод А. Адалис	57
Ответ сыну. — Перевод М. Тарловского	60
Героям Воронежа. — Перевод М. Тарловского	62
Новогодний привет. — Перевод М. Тарловского	63

Новогоднее письмо сталинградцам — Перевод Л. Руст.	64
Тебе, комсомолец Ленинграда! — Перевод Д. Брод- ского	56
Богатырям, ломающим преграды (Воинам моей Родины) — Перевод М. Тарловского	69
Светлый праздник наш недалек! — Перевод М. Тарловского	73
Боевым страницам — спутникам Красной Армии. — Перевод М. Тарловского	74
Клятва под знаменем. — Перевод М. Тарлов- ского	75
На смерть сына. — Перевод П. Богданова	77

Ответственный редактор С. Волошина.

Подписано к печати 1/II-1944 г. Издательский № 209.
УГ00416. Объем 3,5 п. л. Уч. авт. 3. Тираж 5000
Цена 2 руб

Алма-Ата, Гостипография № 3. Заказ 3020